

Эли
Фрей
Мой
музыкальный
враг

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*Эту книгу я посвящаю:
моим любимым маме, папе, свекрови...
И твоим родителям, дорогой читатель.*

*Зверек трусливый, робкий, кроткий,
Зачем играешь со мной в прятки?
Дрожишь, боясь моих нападков,
За шкурку жалкую свою.
Не трепещи.
Тебя лопаткой я не забью.*

ГЛАВА 1

«Прежде чем вырыть яму, сначала распили эти чертовы решетки», — первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я открываю глаза.

Белый потолок. И свет. Невыносимо яркий. Постойте-ка... я открываю глаза... Или один глаз?.. В ужасе хватаюсь за лицо. На левом — повязка. Что за черт?

Я в больнице, это легко определить по запаху лекарств и хлорки. Что? Что Оно сделало с моим лицом? Меня охватывает паника. В голове — тысяча вопросов. Вернется ли зрение? Какую операцию мне сделали? Где все? Где врач? Я хочу, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь объяснил!

На мне свободная пижама, я узнаю ее. Очевидно, в больнице уже побывала бабушка, она принесла мои вещи и передела меня. Делаю попытку встать, но она оказывается провальной. Лежа я не вижу ничего, кроме потолка. Закрываю глаза, сосредотачиваюсь на странных внутренних ощущениях. Тело словно сделано из камня — тяжелое и не способное двигаться. Затем накатывает сильная боль, которая горячей волной прокатывается по всему телу. Неприятно пульсирует левая

рука. Я смотрю на нее, и моему взору открываются два грубых неровных кружка бордового цвета, которые красуются чуть выше запястья. Ожоги от сигарет. Я помню, откуда они. Я помню все, помню, по чьей вине я оказалась в больнице, хотя очень хочется забыть.

Во рту стоит мерзкий привкус тухлятины... Шарю рукой по сторонам. Что я ищу? Воду... в моем рюкзаке точно должна быть бутылка с водой. Я осматриваюсь по сторонам, провожу взглядом по полу и тумбочке, но не обнаруживаю своего рюкзака.

Расслабляюсь. Пытаюсь вспомнить последнее, что было до больницы, — я лежу на холодной земле, надо мной плавно качаются верхушки сосен. Тошнит. Колотится сердце. В животе взрываются урановые бомбы — стандартная реакция на алкоголь. Что в меня влили? Перед глазами мелькают две таблетки, которые Оно кинуло в бутылку, прежде чем заставило меня выпить это.

Открываю глаза. И снова белый потолок.

Это сделало Оно. Чудовище. Нечеловек.

«Я уничтожу тебя», — слова чудовища, сказанные мягким хриплым голосом, повторяются в голове снова и снова. Это были последние слова, которые я помню. А потом Оно бросило мне в лицо горящие угли.

Во рту сухо. Провожу языком по шершавым губам и прислушиваюсь к своим ощущениям. Что со мной сделали? Изнасиловали? Что должно чувствоваться, когда лишаешься девственности? По рассказам — боль в животе и промежности. Но я ничего не чувствую. Я залезаю рукой под пижамой и провожу между ног — никаких ощущений. Осматриваю руку — никакой крови. Ощупываю грудь — слегка ноет.

С третьей попытки мне удается сесть. Оглядываюсь: в палате три больничные койки, две из которых заняты. На одной из них сидит женщина и читает книгу. Заметив, что я села, она встает.

— Я позову кого-нибудь, — говорит она и выходит из палаты, а вскоре возвращается в компании медсестры, моей бабушки, мамы и отчима. Я заливаюсь краской — мне не очень-то приятно сейчас такое многочисленное общество.

Но хорошо, что они не додумались взять с собой всех соседей.

Бабушка и мама кидаются ко мне.

— Тома, Томочка, с тобой все хорошо, — щебечут они и гладят меня по голове. Я отворачиваюсь. Мне почему-то противно смотреть на их обеспокоенные лица.

— Что... Что с моими глазами? — спрашиваю я и хватаюсь рукой за повязку. Голос выходит каким-то слабым и хриплым.

— Не беспокойся, с глазом все в порядке. Небольшой ожог. Зрение не пострадало, — мамин голос срывается, она вот-вот заплачет. Ее слова меня успокаивают. Я буду видеть. — Расскажи нам, что с тобой произошло? Мы решили, что на тебя кто-то напал, и... — мама смутилась. — И... Что он мог изнасиловать тебя. Поэтому, когда тебя привезли, то сразу же обследовали, а то мало ли... Но, слава богу, этого не случилось. Все хорошо...

Мама заливается слезами. Я отворачиваюсь от нее и смотрю на отчима.

«Какого хрена вы ее привезли? — спрашиваю я его взглядом. — Последнее, что мне сейчас нужно, — это смотреть на чужие слезы».

«Извини», — посылает он мне виноватый ответ глазами и пожимает плечами.

Я вздыхаю. Лучше бы вместо мамы привезли дедушку. Он бы развлекал меня своими шутками и историями. Видеть мамины слезы — невыносимо...

— Воды, — говорю я.

Мне тут же в руку вставляют стакан. Я осушаю его в два глотка, но мерзкий привкус не исчезает. Во рту по-прежнему сухо, горячо и противно. Нужно придумать, что им ответить, ведь они все ждут мою историю. Кто на меня напал? Наверняка они уже сообщили в полицию. И в школу. И всем им придется что-то объяснять.

«Что угодно, только не правду, — говорит внутренний голос. — Нельзя признаваться, что это сделал Стас».

Тот самый Стас, с которым мы вместе пошли в первый класс и сидели за одной партой. С которым мы вместе со-

бирали землянику в лесу, а ясными вечерами, лежа на крыше моей терраски, открывали в небе новые Вселенные. Этот мальчик бывал у нас в гостях так часто, что уже успел стать для моих родных членом семьи.

— Я не знаю, кто на меня напал, — качаю я головой. — После выпускного мы с друзьями встречали рассвет на заброшенном мосту. Потом разошлись по домам, я пошла домой через лес...

— Лес? — мама смотрит на меня испуганно. — Зачем тебя понесло в этот ужасный лес? Там одни маньяки! В прошлом году там девочку убили! — По маминым щекам текут слезы.

— Я просто хотела сократить путь. В лесу я наткнулась на незнакомую компанию. Их было человек пять... Одни парни. И у них был костер. Я подумала, что они тоже выпускники, отмечают до утра, поэтому не испугалась. Они подошли ко мне, что-то спросили. Я не помню, что я им ответила.

Мама опять взрывается рыданиями.

— Сколько можно тебе твердить? Нельзя разговаривать с незнакомыми!

— Оля, — резко обрывает ее дядя Костя, — дай ей закончить.

Я продолжаю выдумывать на ходу историю, понимая, что она не выдерживает никакой критики, — с импровизацией у меня всегда было туго... Но я не могу сказать им правду.

— Они сначала показались мне довольно милыми. Спросили что-то, я что-то ответила. И хотела уйти, но...

Но — что? Я судорожно пытаюсь что-нибудь придумать. Но у меня не получается, и я начинаю всхлипывать. Родные думают, что это у меня от нервов, и что мне больно об этом говорить.

— Они напали, — с трудом произношу я, — а потом силой заставили выпить меня какую-то дрянь, наверное для того, чтобы я отключилась...

Я замолкаю. Этот момент выглядит довольно неправдоподобно, и если бы кто-нибудь рассказал мне похожую историю, я подумала бы, что девочка познакомилась с парнями и напилась. А потом они утащили ее в лес и...

Но этот момент действительно был. Перед глазами до сих пор стоит картина: Стас кидает в бутылку две таблетки. «Выпьешь сама или силой залить?» Я отказалась. — «Нет? Я не буду заливать эту дрянь в тебя силой. Я дам тебе возможность выбрать. Ведь нельзя же лишать человека права выбора?» Он смотрел так по-доброму. В его голубых глазах читались забота и внимание. И он потушил сигарету о мою руку. Запах паленой кожи заглушил боль. «Ну. Выбирай: либо пьешь сама, либо получишь второй ожог». Я опять отказалась. И он потушил об меня второй окурочок. «Подумай хорошо. Думаешь, мне нравится причинять тебе боль? Сделай правильный выбор. Это в твоих интересах. Думаю, ты не захочешь помнить о том, что мы с тобой сделаем. Поэтому просто выпей это. И попадешь на радугу. Ну, что выбираешь?» В его левой руке была бутылка с растворенными таблетками, в правой — еще одна зажженная сигарета. Я кивнула на бутылку. «Молодец. Правильный выбор. Нельзя лишать человека права выбора, не так ли? И помни. Это сделала ты, а не я. Я предлагал тебе пойти другим путем».

С трудом справляюсь с воспоминаниями и жестом показываю, что сегодня больше не могу об этом говорить.

— Все хорошо, дочка, — мама гладит меня по голове. — Они не успели ничего тебе сделать. Пара царапин... Отметины на руке... Ожог на глазу, но он пройдет. А что было в конце? Они отпустили тебя? Ты убежала?

— Я не помню, — вру я. Пусть думают, что потеря памяти у меня от шока. Когда они уйдут, я подумаю о своей истории и придумаю ей логичный конец.

— Мы обратимся в полицию. Этих ублюдков поймают, — мама обнимает меня и начинает качать, как маленькую.

Полиция? Нет! Ни за что. Но я ничего не говорю маме. Потом. Я скажу ей потом, что не буду писать заявление.

— Как долго я здесь лежу?

— Тебя привезли утром. Сейчас вечер, — отвечает бабушка.

— Ладно, родственнички. Больной нужен отдых, — недовольно говорит медсестра. — Вы и так ее замучили своими вопросами. Давайте-давайте по домам. Прощайтесь. А я пойду за капельницей...

— Капельница? — в ужасе говорю я. — Зачем?

— Не пугайся. Там витамины. Глюкоза. Промоем твою кровь от дряни. Тебе полегче станет, — она ободряюще улыбается и выходит из палаты.

Бабушка с мамой целуют меня, говорят на прощание ласковые слова. Дядя Костя хлопает меня по плечу.

— Мы придем завтра, не скучай, — напускным бодрым тоном говорит мама.

Они уходят из палаты. Я выдыхаю от облегчения. Не то чтобы меня прям уж сильно угнетало их общество, но сейчас... Сейчас мне нужно хорошо все обдумать. А для этого нужно уединение.

В палату, взяв за собой капельницу, входит медсестра. Эта штукавина сильно смахивает на вешалку для одежды. Наверху прикреплен стеклянный флакон с прозрачной жидкостью и еще какой-то пластиковый пакет. Медсестра протирает мокрой ваткой сгиб локтя.

— А мне не будет больно?

— Как комариный укус, — говорит она.

Я смотрю, как иголка входит в кожу. Из пластикового мешочка к моей руке тянется тонкая трубочка. Где-то посередине трубочки находится маленький прозрачный цилиндр, из которого по капельке вниз стекает прозрачная жидкость. Почему-то цилиндр напоминает мне песочные часы.

— Когда здесь останется совсем чуть-чуть, — она показывает на цилиндр, — поверни колесико.

Я киваю. Медсестра в последний раз осмотрела мою руку и капельницу и, убедившись, что все в порядке, уходит. Я откидываюсь на подушку, закрываю глаза. Мне нужно о многом подумать.

И снова будто чужой голос в голове сообщает мне:

«Прежде чем вырыть яму, сначала распили эти чертовы решетки».

ГЛАВА 2

— Яма, — говорю я, но с губ срывается лишь слабый шепот.

Мы обнаружили эту яму еще весной, когда убегали от Них. Она находилась в лесу, рядом валялись груды мусора, стояли заброшенные постройки. Что здесь было раньше? Чей-то дом? Больше походило на заброшенные склады или промзону. К этому месту вела асфальтовая дорога, вся разбитая и заросшая травой. Сюда никто не ездил очень много лет.

Яма была частично засыпана землей и обломками бетона, сверху ее закрывала железная решетка, толстые прутья которой врезались в землю.

Яму я обнаружила случайно, когда бежала по промзоне: ботинок зацепился за решетку, и я полетела вперед, больно ударившись носом о землю. Я вернулась назад и посмотрела, обо что же я споткнулась. Села на корточки, потрогала железные прутья. В голове вертелись странные мысли.

Из кустов вынырнул Ромка — еще одна Их жертва. Где-то в глубине леса должны прятаться Серега и Антон. Вместе мы составляем чудесную команду. Все жертвы Стаса и его чудовищной компании объединились в клуб. Клуб ущербных и убогих.

И все вместе мы бежали от Них. За время, проведенное вместе, у нас образовалась довольно слаженная команда. Мы научились многому: как правильно убегать, как стать невидимкой, как слиться со стеной, как отключить мозг, пока тебе причиняют боль. Последний пункт — самый сложный. Каждый справлялся с этим по-своему. Отключаться от боли меня

научил Серега. Когда Стас выбил ему передний зуб и спалил кожу на боку, он сказал, что ему было не больно, потому что он отключил свою голову.

— Как? — спросила я его. Когда Стас причинял мне боль, я не могла думать ни о чем, кроме боли.

Слова режут острее ножа. Эту поговорку придумали ванильные людишки, которые никогда по-настоящему не сталкивались с болью. Они знают, что такое разбитое сердце, но даже не подозревают о том, что такое разбитый нос. А ведь разбитый нос куда хуже. Нет ничего хуже физической боли. Никакие моральные страдания не сравнятся с физическими. Такая боль пронзает твоё тело насквозь, ослепляя и оглушая. С твоим телом происходят изменения. Температура может подскочить до сорока градусов и тут же упасть до тридцати пяти. По всему телу выступает пот. Ты кричишь, но не слышишь себя, потому что оглох и от боли ты вдруг разучился говорить. Когда тебе жгут кожу, ты извиваешься, как червяк. Железная рука боли сдавливает словно тисками твои легкие. Ты не можешь дышать. Все твои чувства вдруг обрываются, ты ощущаешь только жгучую боль. И слышишь смех. Их смех. Они питаются твоей болью, наслаждаются, поглощая ее из тебя.

— Нужно считать, — ответил Серега. — Про себя. Раз-два-три... Обычно все заканчивается, когда я дохожу до восьмидесяти. Но один раз я дошел до двухсот пятидесяти... Если тебе не подходит счет, то можно просто думать о приятном.

— О приятном? — переспросила я его.

— Да. О приятном. Я обычно думаю о белках. Белки — они, вроде, приятные.

Я хихикнула.

Сереге все время удавалось выжать из меня улыбку или смех, даже в тех случаях, когда это было невозможно. Например, в тот раз, когда он рассказывал мне о белках, мне было совершенно не до смеха. За день до этого Стас пытался утопить меня под струей обжигающе горячей воды, и ожоги на лице неприятно пульсировали. Мне нужно было настроить свой мозг так, чтобы не думать о боли, и я обратилась за помощью к Сереге.

Они «любят» Серегу больше всех. Может быть, потому что он самый младший из нас. Ему только тринадцать. А может быть, им не нравится его улыбка до ушей. Теперь его улыбка особенно красива — не хватает переднего зуба. После того как Стас ткнул его лицом в бетонную плиту, Серега выплюнул кровавый сгусток вместе с зубом. А потом улыбался нам дырявой кровавой улыбкой. Он ничуть не огорчился, а, наоборот, был очень рад дырке. Он научился круто плевать и мастерски свистеть.

Я сидела на корточках и изучала решетку. Рома тоже опустился на корточки. Наши глаза встретились.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — тихо спросила я.

Его глаза округлились от ужаса. Я поняла, что мы думаем об одном и том же.

Но Рома резко вскочил на ноги.

— Нет. Я ни о чем не думаю, — выкрикнул Рома, резко вскочив. — Побежали отсюда, они могут появиться в любую секунду...

И мы побежали. Я свернула вправо, Рома — влево. Мы всегда разбегались в разные стороны. Так нас было труднее поймать.

Много раз после этого я возвращалась к мыслям о Яме. Именно так. С большой буквы. Яма стала для нас чем-то нарицательным.

Как-то мы пришли к Яме снова. Она притягивала нас как магнит. Мы с Ромой сидели у ее края. Смотрели на железные решетки, на строительный мусор внутри.

— Она могла бы стать идеальной ловушкой, — тихо сказала я.

Рома не ответил.

— Мы могли бы обрести свободу. Мы могли бы научиться дышать полной грудью, и нам прекратили бы сниться кошмары. Губы и веки перестали бы подергиваться, руки — дрожать. Мы стали бы обычными людьми.

Рома лишь покачал головой, усмехнувшись.

— Красиво говоришь... Напиши стих.

Но я видела, что Яма притягивает его точно так же, как и меня.

Но... Эти слова оставались простыми словами, а Яма — обычной ямой. И мы стали жить своей обычной жизнью. Жизнь короткими перебежками. Жизнь на войне.

И сейчас чужой голос в голове напоминает мне о яме. Он говорит, что у нас есть выход. Что мы можем стать свободными.

Я смотрю, как из цилиндрика в трубку попадают последние миллилитры жидкости. Поворачиваю колесико.

Медсестра резким движением вытаскивает из меня иголку. Грустные воспоминания овладевают мной, поэтому я даже не замечаю ее появления.

— Тебе нужно поспать, — говорит она.

— Когда снимут повязку? — спрашиваю я. Мне не терпится узнать, как теперь выглядит мое лицо.

— Через пару дней, — отвечает она.

Когда она уходит, закрываю глаза. Но сон не идет. В голове возникают и исчезают воспоминания — о моей семье, о моем детстве. О Стасе.

Все воспоминания необыкновенно яркие. Они вспыхивают друг за другом, загораются подобно лампочкам на елочной гирлянде.

ГЛАВА 3

Несмотря на крепкую дружбу, в детстве мы часто ненавидели друг друга.

«Хоть бы в пачке “Скиттлс” ему попалась апельсиновая, самая невкусная, конфетка. И чтобы он не вытащил ни одной виноградной» — это считалось самым худшим проклятием, которое мы могли обрушить друг на друга в то время.

А теперь мы желаем друг другу смерти.

Как сильно могут изменяться люди. И их отношение друг к другу.

Мой папа всегда хотел сына. Так я стала думать года в четыре. Мы были счастливой полноценной семьей. Я, мама, папа. А если прибавить к этому еще и бабушку с дедушкой, то сверхполноценной. Папу я любила больше всех. Может быть, потому, что он разрешал есть перед сном шоколад, а может быть, по совсем другим причинам.

Мы жили с родителями в Москве в двухкомнатной квартире на четырнадцатом этаже. А бабушка с дедушкой жили в небольшом подмосковном городке в частном доме в часе езды от нас. Мы часто приезжали к ним на выходные.

Мама с папой познакомились в институте. В двадцать лет они поженились, и вскоре появилась я. Родители так и не окончили институт. Мама ушла в декрет, а папа, чтобы прокормить семью, устроился в магазин и стал торговать компьютерами.

Сейчас мамина работа связана с финансами. Кем сейчас работает папа и как он вообще живет — не знаю. И не хочу